

Кирилл
ЛАВРОВ:Мои герои —
мои современники

Почти три десятилетия активной работы в театре и кино: роли, не просто запомнившиеся зрителям, но ставшие художественными событиями. Творческий багаж Кирилла Лаврова — это роли в спектаклях Ленинградского АБДТ имени М. Горького по Грибоедову и Гоголю, Чехову и Горькому, а также работа над экранизациями прозы Достоевского и Чехова. Не менее интересны созданные им характеры в современных пьесах и такие масштабные кинороли, как Синцов («Живые и мертвые», «Возмездие»), Башкирцев («Угрожение огня»). Особое место в творческой биографии артиста занимает работа над образом В. И. Ленина в кино и театре, отмеченная за спектакль «Перечитывая заново» Ленинской премией.

— Кирилл Юрьевич, что для вас в самом понятии мастерства главное?

— Я не стал бы выделять какой-то компонент. Владение формой, способность перевоплощаться, умение общаться с партнерами, установить контакт с залом, точно почувствовать жанр спектакля — все эти качества важны в одинаковой степени и не сами по себе, а в совокупности, дополняя друг друга. И, конечно, актер всё время должен стремиться к совершенству.

Я считаю, что даже блестяще сыгранную роль нельзя считать работой мастера, если актер не вложил в нее четко осознанного личного чувства, не выявил своей гражданской позиции. Если зритель восхищается исполнительским мастерством, но остается равнодушным к содержанию роли — значит, актер работал впустую. С другой стороны, самые интересные, благородные и возвышенные идеи, самые глубокие и яркие переживания, не обремененные в художественно убедительную форму, никого не смогут взволновать.

Актер — профессия зависимая. Драматург сочиняет пьесу, режиссер отыскивает ее сценическое решение, в соответствии с этим распределяет роли, ставит перед исполнителями конкретные задачи. Но в рамках этой задачи актер обязан предложить собственное решение, глубоко осознанное, выстраданное. Оно может претерпеть значительные изменения в процессе репетиций, но все равно обязательно скажется на конечном результате.

Очень важна, конечно, степень взаимопонимания между актером и режиссером, определяющая плодотворность их сотрудничества. Именно сотрудничества, хотя лидирующая роль режиссера для меня всегда была очевидной. Поэтому все разговоры о противопоставлении режиссерского театра актерскому кажутся мне надуманными. Другое дело, что самый талантливый и сильный режиссер оказывается беспомощным без ансамбля актеров-единомышленников. И чем ярче будут актерские индивидуальности, тем более яркое и убедительное воплощение получат режиссерские замыслы.

На моих глазах проходило становление труппы Большого драматического театра. Сейчас можно слышать мнение: конечно, им легко, мол, с таким актерским составом... Но я-то видел, как медленно, вдумчиво, терпеливо подбирал и воспитывал Г. Товстоногов актеров. Как искал и находил точки соприкосновения в разногласии мнений, взглядов, вкусов, сочетая репетиционный процесс с воспитательным.

— Значит, вы считаете, чем талантливее актер, тем нужнее ему режиссер?

— Безусловно. Иначе возникает опасность безудержного самовыражения, разрушения ансамбля, самоповторов. Но, конечно, нужен такой режиссер, опытный, эрудированный, вкусу которого актер полностью доверял бы. Это отнюдь не исключает творческой полемики и дискуссии, при которой необходимо, однако, наличие общности взглядов по основным идейным, эстетическим и нравственным вопросам.

— Ну, а как быть со спецификой кино, где путь этот прерывист и извилист, а конечный результат рождается за монтажным столом без участия актера?

— Для меня принципиальной разницы в работе перед камерой или на сцене не существует. Основа остается единой: нужно стремиться к правде чувств и психологической обоснованности поступков. Другое дело, что в кино много своих технологических, что ли, сложностей. Краткость, а то и отсутствие репетиционного периода, нарушение последовательности эпизодов. Но это уже вопрос профессионализма: актер обязан уметь самостоятельно проводить необходимый минимум подготовительной работы, моментально включаться в предлагаемые обстоятельства. В то же время в кино столь многое зависит от режиссера и оператора, что они могут порой спрятать, замаскировать актерские просчеты, а то и просто профессиональную беспомощность. В театре такое невозможно: там актер каждый вечер выходит на поединок со зрительным залом, и рассчитывать можно только на свои силы. Вот за эту бескомпромиссность я и отдаю предпочтение театру. Но кино люблю и за новизну задач, которые приходится решать во время съемок, и за богатство впечатлений и встреч.

Огромное значение имела для моего творчества работа над ролью Синцова. А встреча и общение с К. М. Симоновым стали одним из самых ярких жизненных впечатлений. Если бы не кино, не пришлось бы столь близко соприкоснуться с судьбой такой крупной, интересной личности нашей современности, как С. П. Королев. Театр открыл для меня захватывающий интерес работы на пределе, когда роль заставляет отыскивать в себе совершенно новые, казалось бы, не присущие тебе черты личности. В кино такая возможность предоставлялась редко, но зато масштабность задач увлекала: Иван Карамазов у Достоевского или чеховский граф Карнеев...

— Список неожиданных можно пополнить, но все равно для зрителей вы прежде всего актер остроумно-лиристической современной темы, создатель ярких, жизненно достоверных образов наших современников.

— Что же, это почетно и лестно. Но, я думаю, что понятие современности не исчерпывается тем, что действие происходит в наше время. Общеизвестно, насколько современной может быть классика, если авторы спектакля сумели выявить в пьесе то, что волнует сидящих сегодня в зале.

Вот уже 20 лет идет в нашем театре спектакль «Мещане» М. Горького. Много современных пьес, поставленных тогда же и позже, за это время сошли со сцены, а этот спектакль живет и пользуется неизменным успехом. Мы играем почти тем же со-

ставом, что и на премьере, внешне никаких перемен ни в режиссерском решении, ни в манере исполнителей нет. Но внутренние изменения, конечно, произошли: другие поколения зрителей в зале, другими стали мы сами. Однако резервы проблематики и содержания горьковской пьесы, глубина и точность режиссерского решения продолжают волновать зрителей, помогают спектаклю оставаться молодым по духу.

И все-таки без современной драматургии, выводящей на сцену активно действующего, способного принимать ответственные решения героя, театр нормально развиваться не может. Потребность в таком герое ощущают и зрители, и мы, актеры, но драматургия еще не может удовлетворить ее полностью.

Главное для актера — верно почувствовать духовные потребности зрителей, понять, на какие именно вопросы они ждут ответа сегодня, сейчас. Тогда и только тогда манера актерского исполнения будет подлинно современной, независимо от того, какими приемами актер пользуется.

— Значит, вы не видите различия между театром психологической достоверности и условно метафорическим?

— Для меня важнее не различие этих двух направлений, а сходство, которое возникает, когда они ведут к одной, единственно правильной, на мой взгляд, цели: воссозданию на сцене «жизни человеческого духа» во всей ее сложности и многообразии. Исторически и географически сложилось так, что русскому актеру ближе и понятнее психологическая манера игры. Но это вовсе не значит, что надо полностью отвергать условность. Актер должен уметь играть и Островского, и Брехта. Важно только, чтобы Островского не играли, как Брехта, а Брехта, как Островского.

— Кирилл Юрьевич, когда вспоминаешь созданные вами на сцене и на экране образы наших современников, их энергичность, страстную увлеченность делом, непримиримость в борьбе за справедливость, невольно думаешь о том, что многое в этих характерах напрямую связано с личностью самого исполнителя, с активной жизненной позицией коммуниста Лаврова, делегата XXV съезда КПСС, депутата Верховного Совета СССР, председателя правления Ленинградского отделения ВТО. Как соотносится в вашей жизни творческая и общественная деятельность?

— Мне трудно соотносить эти понятия, потому что они для меня уже давно неразделимы. Общественная работа стала частью творческой, и наоборот. А если вернуться к предмету нашего разговора, то полагаю, что для пополнения жизненного опыта, познания человеческой природы, без которых подлинное мастерство немислимо, именно общественная работа является богатейшим источником. И, конечно, это находит отражение не только в ролях современного репертуара, а в творчестве вообще. Работа над ленинской темой требовала мобилизации всех творческих и жизненных накоплений. Но эти затраты и усилия окупаются сторицей, потому что каждое соприкосновение с неисчерпаемостью ленинской личности обогащает тебя самого, дает новый стимул к совершенствованию мастерства.

Беседу вел
В. ПОЛУШКО.